

М. В. Ахметова

ORCID: 0000-0002-2543-9349

✉ malinxi@rambler.ru

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(Россия, Москва)

ЗАБЫТЬ ФРИДРИХА ЭНГЕЛЬСА: ПАМЯТЬ И ЗАБВЕНИЕ В ОЙКОНИМИИ

Аннотация. На материале г. Энгельса Саратовской области рассматривается социокультурный фон, обусловивший использование старого (до 1931 г.) ойконима *Покровск* и номинации *Покровск-Энгельс* (*Энгельс-Покровск*); анализируется осмысление сообществом семантики этих названий в контексте коллективной памяти. «Энгельсский» период более насыщен значимыми событиями и символами; *Покровск* ассоциируется с досоветской «предысторией» и имеет востребованные на рубеже 1980–1990-х годов религиозные коннотации. Последние инспирируют общегородское празднование Покрова Богородицы и вместе с тем рассуждения о защите (*покрове*) города со стороны небесных сил и о том, была ли она утрачена в результате переименования. Отказ от коммунистической идеологии способствует декларации забвения увековеченного в названии города Ф. Энгельса и в то же время игровой десемантизации ойконима как немецкого слова *Engels* ‘ангелы’, имеющего, подобно *Покровску*, религиозные коннотации. Соответствующие рассуждения и практики (акциональные и речевые) снимают необходимость возвращении исторического названия, компенсируя отказ от переименования города в 1990-е годы.

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Ключевые слова: переименование населенных пунктов, возвращение исторических названий, ойкономия, Энгельс, Покровск, символическое пространство, онимические конфликты

Благодарности. Автор благодарит Е. Р. Ярскую-Смирнову, Р. В. Кононенко и И. О. Шувалову за содействие в проведении полевого исследования.

Для цитирования: Ахметова М. В. Забыть Фридриха Энгельса: память и забвение в ойконимии // Шаги/Steps. Т. 7. № 1. 2021. С. 57–82. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-1-57-82>.

Статья поступила в редакцию 4 мая 2020 г.
Принято к печати 14 ноября 2020 г.

M. V. Akhmetova

ORCID: 0000-0002-2543-9349

✉ malinxi@rambler.ru

The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (Russia, Moscow)

TO FORGET FRIEDRICH ENGELS: MEMORY AND OBLIVION IN OIKONYMY

Abstract. The paper is based on material from the town of Engels (Saratov Region) and discusses the socio-cultural background that has determined the use of the pre-1931 oikonym *Pokrovsk*, on the one hand, and the double nomination *Pokrovsk-Engels* (*Engels-Pokrovsk*), on the other. The author analyzes reflection by the community about the semantics of these names. The period associated with the name *Engels* is filled with significant events and symbols to a greater degree than the period before 1931. *Pokrovsk* is associated with pre-Soviet “prehistory”. Since the town was initially named after the Orthodox feast of Intercession (*Pokrov*) of the Theotokos, its religious connotations were in demand at the end of the 1980s and the 1990s. These connotations, on the one hand, actualize celebration of the mentioned feast as the “name day of the city”, and on the other hand, inspire discussions about the sacral protection, or *pokrov* (in Russian), over the town, whether or not it has been lost as a result of renaming in 1931. The rejection of Communist ideology favors the oblivion of F. Engels, commemorated in the actual oikonym. This is expressed, in the desmantization of the oikonym (as a play on words), its reinterpretation as a literal translation of German *Engels* ‘angels’, which also has religious connotations. The discussions and practices (both actional and linguistic) remove the need to return the name *Pokrovsk*, and thus compensate for the refusal to rename the town in the 1990s.

The article was written on the basis of the RANEPA state assignment research programme.

Keywords: renaming of cities and towns, return of historical place-names, oikonymy, Engels, Pokrovsk, symbolic space, onymic conflicts

Acknowledgements. The author is grateful to E. R. Iarskaia-Smirnova, R. V. Koononenko and I. O. Shuvalova for assistance in the field research.

To cite this article: Akhmetova, M. V. (2021). To forget Friedrich Engels: Memory and oblivion in oikonymy. *Shagi / Steps*, 7(1), 57–82. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-1-57-82>.

Received May 4, 2020
Accepted November 14, 2020

© M. V. AKHMETOVA

На рубеже 1980–1990-х годов на постсоветском пространстве и в бывших соцстранах населенным пунктам и городским объектам начали возвращать исторические названия, в ХХ в. замененные на увековечивающие знаковые для социалистического дискурса фигуры и события. Этот процесс может осмысливаться в разных аспектах. С одной стороны, предметом внимания становятся номинации, а возвращение названий рассматривается масштабно — в рамках государственной топонимической политики и ее идеологической подоплеки, связанной с декоммунизацией и дерусификацией, с соперничеством националистических и интернационалистических тенденций и т. д. [David 2011; Бочкарев 2018; Плеханов 2018]. С другой стороны, анализируется полемика вокруг переименования (так называемые онимические конфликты [Разумов 2018]), а предметом внимания становится социокультурная ситуация. Так, А. И. Кольба [2012: 77–80] рассматривает обсуждение возвращения Краснодару названия *Екатеринодар* в контексте развития гражданского общества и взаимоотношений социума и власти; Р. Н. Абрамов и Е. А. Терентьев обращаются к дискуссиям о переименовании объектов Санкт-Петербурга и Пензы в аспекте символической политики и культуры памяти [Абрамов, Терентьев 2014; Терентьев 2015]. Ономастические исследования, затрагивающие данную проблематику, исчисляются десятками и посвящены в основном названиям улиц и прочих городских объектов.

В данной статье на материале г. Энгельса Саратовской области предпринимается попытка объяснить существование официального названия Энгельс и исторического Покровск и их дериватов. Анализ дискуссий о переименовании и их социокультурного фона призван ответить на следующие вопросы: 1) почему город не был переименован; 2) чем обусловлены описываемые номинативные стратегии; 3) какую роль здесь играют коллективная память и конфликт символов.

**«Город с двумя названиями»:
Покровск и Энгельс вместо Покровск vs. Энгельс**

Энгельс — город-спутник Саратова¹ — основан в 1747 г. украинскими чумаками-солевозами как Покровская слобода (по церкви Покрова Пресвятой Богородицы). В 1914 г. слободу преобразовали в город, получивший название Покровск, который в 1931 г. был переименован в Энгельс.

В сентябре 1991 г. в городской газете «Наше слово» открылась дискуссия о возвращении исторического названия; до конца 1996 г. в местных газетах было опубликовано около 20 полемических материалов. В декабре 1996 г. состоялся референдум, на котором за переименование проголосовало 38,81%, против — 61,19% (см.: Пкр², 26.12.1996). Вопрос был снят с городской повестки, но до сего дня время от времени поднимается. Если в 1990-е — начале 2000-х необходимость реноминации отстаивали рядовые горожане и журналисты (этот идея, впрочем довольно осторожно, продвигалась в газете «Покровск» и за-

¹ Город расположен на левом берегу Волги напротив Саратова, соединен с областным центром мостом.

² См. список сокращений названий газет в конце статьи. В цитатах сохраняются орография и пунктуация источников.

тем в энгельсской «Новой газете»), то в 2010-е основным проводником стало православное сообщество.

Наименование *Покровск* и использование прилагательного *покровский* в местной печати отмечено уже в первой половине 1990-х и особенно активизировалось в год референдума (1996) и в 1997 г., когда праздновалось 250-летие города. Сегодня старое название систематически употребляется лишь в текстах, авторы которых имеют отношение к Церкви, а также в составе десятков собственных имен, прежде всего коммерческих — в названиях организаций, мероприятий, торговых марок и т. д.: торговый центр «Покровскъ» (2019), клуб исторического фехтования «Покровская застава» (1993), фестиваль «Покровские узоры» (1997); Покровский консервный завод (выпускает продукцию под марками «Покровский погребок» и «Покровские соки») и т. д. При этом катойконим *покровчане* с 1990-х годов стал наиболее употребимым, составив конкуренцию варианту *энгельситы*, использующемуся в местной и областной прессе.

В 1997 г. появляется «гибридная» форма *Покровск-Энгельс* и *Энгельс-Покровск*; окказионально используются дериваты *покровско-энгельсский* и *покровчане-энгельситы* (*энгельситы-покровчане*)³. Соположенность старого и нового названий подкрепляется и публичными надписями. Так, к 250-летию города (1997) были изготовлены таблички с названиями улиц, на которые нанесены оба ойконима (ил. 1). Эмблемой 270-летнего юбилея (2017) стал гербовый символ города — бык с чашей соли на спине, сверху которого по кругу размещена надпись «• Энгельс • Покровск •». Надписи «Энгельс» и «Покровск» украшают обе стороны постамента скульптуры «Бык-солевоз» (2003). Представление о «двуименности» может экстраполироваться и на другие объекты. Моя собеседница [Инф. 3] утверждала, что на стеле при въезде в город еще при советской власти были отражены оба названия (судя по доступным старым фотографиям — только «Энгельс»).

И систематическое использование двойной номинации, и наиболее частое ее написание через дефис, и образование дериватов, а также прозвучавшее в 2017 г. предложение председателя Общественной палаты Саратовской области переименовать город в *Энгельс-Покровск* — все это свидетельствует о том, что речь идет не просто о совмещении старого и нового названий для маркирования временной протяженности (как, например, в формуле «600-летний путь развития Хлынова — Вятки — Кирова» [Кирюхина и др. 1974: 326–327]), но об определенной равнозначности этих онимов в речевых практиках горожан, которыми «двуименность» вполне отрефлексирована. Об этом писали журналисты («Мы говорим: старый Покровск, современный Энгельс <...> До сих пор два имени нашего города мирно уживаются друг с другом» [Сафонов 1996]); это отмечали мои информанты⁴. Одна из собеседниц называла Энгельс «городом с двумя названиями» [Инф. 3]; другая говорила, что существует «симбиоз,

³ Подробнее о речевых практиках, связанных с употреблением названий *Покровск*, *Энгельс* и их дериватов в местных СМИ и устных текстах (а также их собственно лингвистической обусловленности) см. в статье автора, готовящейся к публикации в журнале «Вопросы ономастики» (2021, № 1). Здесь этот материал не является предметом специального рассмотрения.

⁴ Цитируемые полевые материалы были записаны в 2019 г.

Ил. 1. Табличка с адресом, изготовленная к 250-летию г. Энгельса (1997)
Фото М. В. Ахметовой

Fig. 1. Address plate made for the 250th jubilee of the town of Engels (1997)
Photo by M. V. Akhmetova

то есть прямо такое слияние «...» ты называешь одно и подразумеваешь то же самое, что если называешь там Энгельсом, Покровском» [Инф. 4], а третья не исключала перспективы соответствующего переименования:

«Покровск-Энгельс», «Энгельс-Покровск», люди привыкли, и нормально. «...» Мне даже иногда кажется, что было бы правильнее «...» со временем — [назвать город] «Покровск-Энгельс» [Инф. 1].

Эта ситуация выходит за рамки как использования старого названия в силу инерции (даже в начале 1990-х помнить актуальность *Покровска* могли лишь очень пожилые горожане), так и идеологического неприятия современного ойконима (последнее характерно скорее для (около)церковных кругов). Если именование города *Покровском* объясняется в том числе языковыми факторами (например, существованием одноименной железнодорожной станции, не переименованной в советские годы), то двойная номинация только лингвистически быть объяснена не может и требует обращения к социокультурному фону.

Решающую роль в том, что против возвращения *Покровска* проголосовало около $\frac{2}{3}$ горожан, сыграл страх перед нежелательными в сложной экономической ситуации затратами, которые повлекла бы за собой смена названия. Эти опасения звучали в письмах в газеты (так, 56-летняя горожанка писала: «Неужели у вас не хватает в мозгах извилин, чтобы сообразить — во что это переименование выльется? «...» нужно будет платить денежки из бюджета, и немалые» [Бурмистров, Ляхов 1993]), о них говорили почти все мои информанты, ср.:

Инф. 8: Как подсчитали, во что это обойдется... Город большой...

Инф. 11: «...» И сразу: «О-о, денег у города нет, денег у города нет». И всё, и на этом всё закончилось.

Разумеется, подобные опасения высказывались и в тех городах, где реноминация не произошла (например, в Краснодаре [Кольба 2012: 78]), и в тех, которые в итоге были переименованы (например, в Твери: редакция калининской газеты «Смена» в 1988 г. размышляла, «в какую сумму обойдется переименование государству [...] не влетит ли в копеечку это дело?» [Ершов 2015: 27]). Однако итог может быть обусловлен не столько экономическим фактором, сколько тем, какие тенденции одержат верх в конфликте на символическом поле. Показательно, что участники энгельсской полемики прибегали к аргументации, связанной с категорией историчности.

Проблема историчности: о чем напоминает ойконим

Р. Н. Абрамов и Е. А. Терентьев [2014: особ. 76–80] выделяют два дискурса, свойственных полемике о реноминации. Дискурс о возвращении подразумевает необходимость исправить историческую ошибку, совершенную в советскую эпоху⁵. В рамках же дискурса о переименовании внимание уделяется коммеморативному аспекту топонимов; в частности, необходимость переименования диктуется отрицательными коннотациями, связываемыми сувековеченными в советском названии фигурами и событиями.

Дискурс о возвращении в г. Энгельсе был представлен вполне ожидаемыми декларациями ценности названия *Покровск* — в силу его, во-первых, «старшинства» и, во-вторых, ассоциаций с досоветским периодом, который противопоставлялся советскому по шкале «историческое — неисторическое»: «Имя “Покровск” нам дала история, а не какой-нибудь “совнарком”» [Погорелов 1996]. *Покровск* позиционируется как «истинное» имя, дарованное предками («...исторически он должен оставаться таким, каким именем его нарекли наши предки. Поэтому я за возврат истинного имени моему городу» [Коваленко 1996]), — в противовес «искусственному, неродному» [Бурмистров, Лихов 1993] *Энгельсу*.

Но какие фрагменты коллективной памяти за этим стоят? Город носил название *Покровск* на протяжении лишь 17 лет; о nim *Покровская слобода* связан с догородским статусом места. Именно в Покровске родился художник А. А. Мыльников — знаковая местная фигура, — и именно Покровск прославил в «Кондуите и Швамбрании» местный уроженец Л. А. Кассиль. Композитор А. Г. Шнитке (еще одна локальная фигура общенационального значения) родился и жил уже в Энгельсе. С «покровским» периодом отчасти связан и статус города как столицы Трудовой коммуны / Автономной области / АССР Немцев Поволжья (1922–1941). Но, несмотря на равную протяженность «покровского» и «энгельсского» периодов немецкой автономии, последняя ассоциируется в основном с Энгельсом — по причине как «немецкого» облика названия, так и (в первую очередь) того, что именно в этот период автономия была упразднена в связи с депортацией немцев Поволжья. Остальные важнейшие знаки, события и персонажи «доэнгельсского» периода связаны либо только со слободой (основавшие поселение в XVIII в. чумаки и торговля солью), либо равным образом

⁵ Вероятно, этот дискурс определил волну переименований, пришедшуюся на 1989–1993 гг., когда преобладающим ресурсом для выбора нового названия стали исторические ойконимы, а реноминация воспринималась «как восстановление исторической справедливости, а не как конструирование новой топонимической реальности» [Бочкарев 2018].

и со слободой, и с городом Покровском: это хлеботорговля рубежа XIX–XX вв. и Покровская хлебная биржа (существовала до 1917 г.), с которыми связаны расцвет слободы и превращение ее в город⁶; купцы и меценаты Ф. Е. Кобзарь (1850–1919), Н. А. Ухин (1836–1914) и т. д. Одна из моих собеседниц в ответ на вопрос, что подразумевается, когда город называют Покровском, назвала «храм Покровской Божьей Матери», Покровскую слободу (!), хлеб, соль, солевоза-быка, солевой Эльтонский тракт [Инф. 4]; ср. также:

...Тут очень сильна память Покровской слободы и вообще Покровска. То есть имена живы те, которые, скажем так, связаны с Покровском: это и Кобзарь, и Ухинъ [...] и Петровы, и там, не знаю, Куценко... это куча купцов [...] И Лев Кассиль опять же здесь жил еще во времена, когда это был Покровск, Покровская слобода... все художники, вот которые здесь родились [Инф. 5].

Таким образом, граница между краткой историей Покровска и двухвековой историей негородского поселения, носившего однокоренное название, неотчетлива; и слобода, и город Покровск относятся к своего рода архаичной предыстории. По словам одной из горожанок, название *покровчане* отсылает к истории, «которая, наверно, ушла от нас со своими быками, с солевозом и чем-то другим» [Инф. 2], другая отмечала, что «он городом-то начал [быть] всего в [19]14-м году [...] Вся история вот настоящая, XX века — это Энгельс» [Инф. 12]. В каком-то смысле недолгий период существования Покровска — это пограничный, переходный период между Покровской слободой и современным Энгельсом.

«Настоящая история» соотнесена с жизненным опытом большинства горожан. Это отмечалось и в интервью («...уже три поколения, да, — это Энгельс» [Инф. 12]), и в газетных публикациях: «Людей, родившихся еще в Покровске, остались единицы. [...] Я родилась в 1937 г. в городе Энгельсе. И мое желание, чтобы моя родина не изменяла своего названия» [Чернявская 1991]; «Я хочу постоянства: родился и жил в г. Энгельсе и оставьте меня в нем» [Энгельс 1991]⁷. Подчеркивается обилие знаков, ассоциирующихся с г. Энгельсом. Кроме немецкой автономии, к которой я еще вернусь, это формировавшиеся в городе женские авиаполки Марины Расковой⁸, троллейбусный и приборостроительный заводы, летний городок и военная авиа база, на которой дислоцируются стратегические бомбардировщики, а также приземление Юрия Гагарина — событие, не имеющее прямого отношения к городу, но «присвоенное» ему⁹.

⁶ Ср.: «...хлебная столица была. Российской империи. [...] [Когда началась продажа хлеба в Европу], из деревни это превратилось сразу в город» [Инф. 10].

⁷ Ср. схожий пример: для жителей г. Тутаева Ярославской области, не желающих возвращения названия Романов-Борисоглебск, значим следующий аргумент: «Выросло поколение горожан, которые считают себя тутаевцами; промышленное развитие города, рост численности населения города, его советская история связаны не с Романовым-Борисоглебском, а с Тутаевым» [Савоскул 2016: 72–73].

⁸ Имя Расковой увековечено в названии одной из улиц города и в памятнике на территории Энгельсского летнего городка.

⁹ На месте приземления Гагарина в десяти с лишним километрах от г. Энгельса в начале 1960-х был воздвигнут обелиск, в 1981 г. — памятник, в 2011 г. сооружена Галерея космонавтов; мемориальный комплекс стал местом ежегодных мероприятий. В 1981 г. Гагарину было посмертно присвоено звание почетного гражданина г. Энгельса.

Именно с названием Энгельс связаны героические боевые и трудовые свершения наших горожан и нашего города периода Великой Отечественной войны, подвиги летчиц палка [sic!] Марины Расковой. Именно Энгельс вошел в мировую историю освоения Космоса как место приземления (окрестности) первого космонавта планеты. Промышленная индустриализация, численный и территориальный рост города произошли именно в его «энгельсский» период. Известные всему миру троллейбусы родом именно из Энгельса, а не из Покровска [Сафонов 1996].

Инф. 1: [В 1996 г.] я спрашивала: «Как вы проголосовали?» Они говорят: «А мы все проголосовали за то, чтобы город оставался Энгельсом». Так! А тем более большая часть населения уже — это те, кто приехал в годы войны. (...) Какие заводы к нам приехали! (...) У нас [троллейбусный] завод Урицкого из Брянска приехал в полном составе! (...) И [приборостроительный] «Сигнал» из Москвы. (...)

Соб.: Но они приезжали, естественно, в Энгельс?

Инф. 1: Естественно. Естественно. И большая часть населения — тоже энгельситы.

... Я родилась в Энгельсе, и я его принимаю как тот город, под этим названием, в котором я родилась. (...) Вот у меня отец, например, военный, я все время привыкла видеть там Энгельсский летный городок (...) Все знают город Энгельс, что у нас есть дальняя авиация, его с этим ассоциируют [*Инф. 2*].

С одной стороны, можно говорить о конфликте разных уровней коллективной памяти. «Покровский» период соотносится с культурной памятью («мифической предысторией»), а «энгельсский» — с памятью коммуникативной, основанной на непосредственном опыте и устных рассказах, глубина которой 3–4 поколения (см.: [Ассман 2004: 58–59]). С другой стороны, речь идет о столкновении двух нарративных шаблонов [Верч 2018], характерных для локальных исторических нарративов — транслируемых, разумеется, с оглядкой на модели «большой» национальной истории. Согласно первому шаблону (наследующему советской модели), в послереволюционный период город активно развивается, во время Великой Отечественной войны его жители героически сражаются с врагом, после войны происходит подъем промышленности, идет активное строительство и т. д.; согласно второму (наследующему от части советской, от части анти-/постсоветской модели), у города (особенно если он не является молодым) должно быть славное прошлое, а досоветский опыт априори ценен как обладающий духовным потенциалом и не затронутый губительными преобразованиями большевиков. Но в отличие от таких городов, как Санкт-Петербург, Тверь, Нижний Новгород, которым исторические названия были возвращены, собственно городской «покровский» период в силу своей краткости мало насыщен значимыми символами и событиями. Примечательно, что никто из сторонников *Покровска* не приводил аргументов с упоминанием знаменитых земляков (за исключением абстрактных предков) и славных страниц истории (кроме самого факта хронологического старшинства и отнесенности к досоветскому периоду): прошлое оказывается самоцен-

ным и самодовлеющим. «Историчность» Покровска, таким образом, — символ, сводящийся к самому себе. Это также встречало контраргументы:

Если же историей считать не просто время, а время, наполненное событиями (что совершенно верно), то и в этом случае нынешнее имя города имеет преимущество. [...] Вроде бы «неисторическое» название города обрело свою историчность [...] Если нам ценна история, то нам должно быть ценно и дорого и наше недавнее прошлое последних шести десятков лет, которое тоже является историей [Сафонов 1996].

В результате отправной точкой для защиты *Покровска* становятся ассоциации, связанные в первую очередь с именем (хотя исторические коннотации и здесь подразумеваются)¹⁰. Далее я рассмотрю топосы, инициированные рефлексией по поводу названий города. Поскольку в 1931 г. город получил название в честь основоположника диалектического материализма, позволю себе использовать в подзаголовках следующих разделов элементы «диалектической триады» — *тезис, антитезис и синтез* (впрочем, отдавая себе отчет в их неполном соответствии оригинальному значению).

«Тезис»: покровско-богородичный топос

Коль скоро апелляции к конкретным эпизодам истории Покровска в рамках дискурса о возвращении непродуктивны, востребованным оказался «этимологический» нарратив, в рамках которого осмысляется не только сама по себе религиозная семантика ойконима (а в контексте ностальгии рубежа 1980—1990-х годов по досоветскому прошлому православие стало важным элементом «России, которую мы потеряли», если цитировать название резонансного фильма 1992 г.), но и отсылка к *покрову* как покровительству небесных сил. Соответственно, обсуждение зачастую происходит в религиозных терминах.

Публикации 1990-х актуализируют этимологическую информацию. «Название нашего города — “ПОКРОВСК” — пошло именно отсюда, от названия церкви Покрова Богородицы», — напоминают журналисты, нелестно отзываясь о советской эпохе, когда «меняли, как перчатки, названия городов, тем самым совершая кощунство, вторгаясь своим свиным рылом в святая святых» [Бурмистров, Ляхов 1993]: за счет лексики с религиозными коннотациями советская топонимическая политика дискредитируется еще и на духовном уровне. Настоятель Покровской церкви отмечает, что был бы рад возвращению «истинно русского, славянского» имени, перекликающегося с названием праздника: «Покров — это значит покровительство, помочь неба в наших делах» (НГ, 29.11.1996).

¹⁰ Впрочем, аргументация *ad nominem* характерна и для сторонников Энгельса и связана с уникальностью имени: г. Покровск есть в Якутии, и «мы в случае переименования своего города будем неоригинальны» [Алексеев 2013]; «...став Покровском, мы разом лишимся своей уникальности, “лица необщего выражения”» [Сафонов 1996]; «Энгельс — это единственный город в мире с таким именем. А Покровск — существует два с половиной десятка. И вот есть смысл быть там двадцать шестым или первым?» [Инф. 10].

Неудивительно, что идея о реноминации находит поддержку представителей Церкви. По свидетельству сотрудницы газеты «Православная вера», издававшейся Саратовской епархией, «во всех епархиальных документах и сообщениях город (...) именуется Покровском, а слово Энгельс если и пишется, то в скобках» [Бирюкова 2009]. В октябре 2011 г. из Саратовской епархии выделяется Покровская, а г. Энгельс становится кафедральным центром. Епископ Покровский и Николаевский Пахомий (Брусков) — активный сторонник исторического названия, с которым связывает прежде всего «чувство истории» и «национальное достоинство»:

Вот есть город, и есть историческая правда о нем: он — Покровск. (...) Пока мы будем энгельситами, полноценной жизни, чувства своей истории, чувства национального достоинства у нас не будет. Если бы мы были покровчанами, был бы город официально назван Покровском, мы бы иначе себя чувствовали, и, мне кажется, многое бы переменилось (цит. по: [Бирюкова 2016: 16]).

Поздравляя жителей с Днем города, владыка вспоминает о происхождении названия («...под звон колоколов первого возведенного в слободе храма, названного в честь Покрова Божьей Матери, и начала отсчет истории Покровска»); говорит о преемственности между прошлым и настоящим, при этом имя *Покровск*, присвоенное им современному городу, словно служит связующим звеном («Старинные здания Покровска (...) хранят дыхание прошлого, словно напоминая нам о культурных ценностях наших предков. Продолжая славные традиции, Покровск успешно развивается и в наши дни»), а в праздничном желании еще раз актуализирует этимологическое знание и напоминает о необходимости помнить о прошлом («Желаю всем жителям Покровска, чтобы вы не забывали уроков собственной истории (...) искренне надеялись на Покров и заступление Матери Божией...») (КП, 28.08.2013).

В рамках «покровского» нарратива реализуются две стратегии. В соответствии с первой переименование 1931 г. означает не только разрыв с «историей», но и потерю сакральной защиты: речь идет о «покрове, который мы потеряли». С этим могут связываться проблемы города. «...Под Покровом Пресвятой Богородицы слобода существовала около двухсот лет», — пишет горожанин, отмечая, что «города со своими изначальными названиями гораздо лучше и быстрее развиваются», а г. Энгельс «один из самых нищих» [Погорелов 1996]. С возвращением *Покровска* связываются надежды на благосостояние и на помощь свыше:

Я слышала, что Покровском он был назван в честь Богородицы («Покрова Богородицы»). Так чего же тут думать? Может быть, наша Спасительница защитит нас, будет способствовать улучшению жизни людей [Королева 1996].

Автор статьи «Верните городу Покров» спрашивает:

Неужели нам все равно — в Энгельсе жить или в Покровске?
Со старинным русским православным именем связывать свои

судьбы или с именем автора «Анти-Дюринга»?! Покров Богоматери над собой чувствовать или бороду основоположника? [Бирюкова 2009].

Согласно другой стратегии, лишь тот факт, что город некогда назывался Покровском, гарантирует покровительство небесных сил. Формула «(город) под покровом Богородицы» становится локальным слоганом, использующимся и в светских текстах. 16 августа 1997 г. в выпуске «Нашего слова», приуроченном к 250-летию города, выходит материал о слободе, озаглавленный «Под Покровом Божией Матери». «Под Покровом Богородицы» — заголовок цикла книг об истории места [Ерина 2003–2019]. «Не может город, живущий под Покровом Пресвятой Богородицы *«...»*, — пишет педагог и психолог С. В. Саратовский, — существовать без связи со своим интересным прошлым» [Там же (2): 7]: нахождение «под покровом» обязывает помнить о корнях.

Двойственное восприятие покрова — и как бывшего, и как действующего — рефлексировалось моими собеседниками:

*Инф. 9: [Возвращения названия Покровск хотят] люди воцерковленные, которые считали, что город основан под покровом Богородицы, он защищает нас до сих пор, в отличие от города Энгельса [sic!] *«...»**

Соб.: Если мы возвращаем городу название Покровск, то мы будем под покровом Божьей Матери, — вот это как-то произносится?

*Инф. 9: Опять же произносится, но с уст *«...»* людей, которые... ну, которые воцерковлены. *«...»**

Соб.: Или что мы уже есть, потому что мы как бы Покровск?

*Инф. 9: Да, что мы уже есть, мы Покровск, но хотелось бы *«...»* ещё и вернуть. *«...»* Бабушки даже в большей степени [говорят], что вот да, мы потеряли, то есть нам надо вернуть *«...»* защиту, как мы были когда-то, много десятилетий, даже столетий. А с другой стороны, архиерей там говорит, что мы всё равно находимся [под покровом], конечно, мы же продолжаем оставаться.*

Местные поэты пишут о покрове в настоящем времени: «Третий век хранит нас, грешных, / Богородицы Покров...» (В. Удалов, «Под покровом Богородицы» [Кобылинский, Удалов 2012: 3]); «Но храним он всегда / Покровом Богородицы нашей» (Т. Тихонова, «Храним покровом и любовью» [Там же: 158]). Даже стихотворение С. Саратовского, где, в частности, переименование 1931 г. позиционируется как разрыв связи с сакральным («Лишился связи он с Покровом — / Себя вдруг Энгельсом назвал»), заключается вполне благодушно: «Пусть обнимают Энгельс нежно / Великой Волги рука-ва: / Пусть каждый год он безмятежно / Встречает праздник Покрова» [Там же: 329].

Формулу «город под покровом Богородицы» буквально иллюстрирует коллаж, украсивший авантитул издания [Ерина 2003–2019 (3)] и републикованный на шмидитуле литературного сборника [Кобылинский, Удалов 2012]. В качестве основы взята фотография — вид с высоты на энгельсские новостройки; над ними помещена фигура Богородицы с омофором в руках (ил. 2).

Ил. 2. Покров Богородицы над г. Энгельсом
Фото Ю. Репина, коллаж А. Погребной

Fig. 2. Intercession of the Theotokos over the town of Engels
Photo by Yu. Repin, collage by A. Pogrebnaya

Актуализация этимологии имеет следствием практики, связанные с праздником Покрова Пресвятой Богородицы (14 октября). Во-первых, церковное празднование приобретает общегородской масштаб. 14 октября 2001 г. по улицам Энгельса впервые прошел крестный ход мимо мест, где раньше стояли православные храмы; совершались молебны у места разрушенной Покровской церкви и у одноименной ныне существующей; произведен облет над городом на вертолете с иконами Покрова (см.: НГ, 24.10.2001). С 2008 г. городской крестный ход проводится ежегодно. Именно 14 октября 2001 г. «часть православной общественности начала сбор подписей за возвращение городу имени Покровск» [Сафонов 2001].

Во-вторых, праздник секуляризуется в качестве «именин города». В начале 1990-х об этом говорится в сослагательном наклонении («14 октября наш город отмечал бы свои именины» [Бурмистров, Ляхов 1993]), а 14 октября 1997 г. материал о Покрове в «Нашем слове» уже озаглавлен «Именины нашего города». Так, 3 октября 2001 г. «Новая газета» приглашала горожан на площадь перед ночным клубом «Эльдорадо» отпраздновать «именины нашего города — праздник Покрова Пресвятой Богородицы». В программе

праздника, организованного упомянутым клубом, художественной организацией «Покровский стиль» и редакцией «Новой газеты», были заявлены «выставка-продажа изделий декоративно-прикладного искусства, выступление фольклорных коллективов, народные игры и гулянья, аттракцион “Караоке”, конкурсы с призами и подарками, бесплатное чаепитие» и др. В 2014 г. в Центре немецкой культуры прошел концерт «С именинами, Покровск!». С 2015 г. по инициативе главы района и епархии светское празднование Покрова под названием «Многая лета, Покровск!» переносится на центральную площадь; его сценарий типичен для современных массовых праздников (поздравления от городской администрации и епархии, ярмарки, театрализованные представления и т. д.; в 2015 г. проводилось чествование молодых семей¹¹). К Покрову приурочиваются не только развлекательные, но и культурные мероприятия: программы в краеведческом музее и городской библиотеке, литературно-музыкальные гостиные, школьные праздники и вечера в социальных центрах (НГ, 21.10.2015, 19.10.2016, 18.10.2017, 17.10.2018, 15.10.2019). Наконец, с 2014 г. епархия проводит в октябре региональные Покровские образовательные чтения, посвященные взаимодействию Церкви и общества, религиозному и нравственному воспитанию.

И декларация того, что покров Богородицы действует поныне, и приданье церковному празднику общегородского статуса нивелируют остроту проблемы: оказывается, что и небесного покровительства, и почитания праздника в принципе достаточно, и возвращать историческое название необязательно.

«Антитезис»: Фридрих Энгельс, национальный вопрос и марксизм

В рамках описанного Абрамовым и Терентьевым [2014] дискурса о переименовании дискредитировалась личность Фридриха Энгельса. Собственно, дискуссия о реноминации была открыта вскоре после поражения августовского переворота 1991 г. письмом в газету местного поэта Н. Федорова:

...Отношение ведущего основоположника коммунистической идеологии к нашей Родине не заслуживает егоувековечения. В тщательно скрываемых от нас статьях он писал о необходимости «беспощадной борьбы не на жизнь, а на смерть» со славянством на уничтожение. Особую ненависть у него, как и у Маркса, вызывала Россия. Они считали, что против нее надо поднять общеевропейскую войну, что она должна провалиться в тартар, либо быть раздробленной на множество осколов путем самоопределения ее национальностей. (...) Вот почему прежде всего мы должны избавляться от недостойного названия и [добиваться] возвращения нашему городу его исконного имени — Покровск [Федоров 1991].

¹¹ Эта практика (в г. Энгельсе соотносимая с народной традицией играть свадьбы около дня Покрова, см.: НГ, 21.10.2015) — характерный элемент Дней города в современной России.

Источником послужила статья историка-эмигранта Н. И. Ульянова «Замолчанный Маркс» (1969), repубликованная в СССР в 1990 г.¹², о чём свидетельствуют текстовые совпадения (ср.: «Тогда “беспощадная борьба не на жизнь, а на смерть” со славянством, предающим революцию[,] на уничтожение (...) Россия должна провалиться в Тартар, либо быть раздроблена на множество осколков путем самоопределения ее национальностей» [Ульянов 1990: 145, 147]).

В этом контексте этническая принадлежность Ф. Энгельса могла подразумевать аналогии «немец — (враждебный русским) иноземец» (ср.: «Только Покровск. Никакого Энгельса, Маркса и прочей иностранчины нам не надо» [Как 1996]) и «немец — фашист», даже с выходом на идею о мировой закулисе. Инициатор дискуссии, комментируя приписываемые Энгельсу призывы бороться с Россией и славянами, пишет, что «эти же цели, как известно, стояли в гитлеровском плане “Барбаросса”, а в списках тайной мировой власти русским, татарам, башкирам, мордве и прочим отведено место для уничтожения» [Федоров 1991]. Автор другого письма в газету задавался вопросом: «Почему я живу в полурусском, полунемецком городе?» и призывал «переименовать немецкий город Энгельс, восстановить его историческое русское название Покровск» [Грибов 1992]. Ветеран, видящий в возвращении исконных названий меру «по возвращению нашей нации духовности, которую у нас отняли за 80 лет», приписывал Энгельсу высказывание, что «славянские народы, разве кроме поляков, чехов, хорватов, являются нереволюционными. Поэтому они, особенно русские, подлежат уничтожению», и отмечал, что «последователи основоположника (очевидно, немецкие нацисты. — M. A.) с честью выполнили его пожелания» [Новиков 1996].

Голоса в защиту актуального названия, подкрепленные апелляцией к значимости Ф. Энгельса, были единичны и звучали лишь в 1990-е. В полемику с поэтом Федоровым вступила доцент Саратовского пединститута В. Л. Сиднина, опровергая высказывания о славяно- и русофобии Энгельса, призывая «не марать имя великого ученого, философа, историка, деятеля рабочего движения, полиглotta, журналиста, английского фабриканта, немца по национальности и гражданина мира» и заявляя, что «его не убудет, если мы сбросим его с пьедестала. Убудет нас» [Сиднина 1991]. По словам одного из участников опроса перед референдумом, «мы многим обязаны Фридриху Энгельсу, и город должен носить его имя» [Как 1996].

Актуальность немецкой темы обусловлена не в последнюю очередь локальным контекстом — памятью о немецкой автономии, центром которой город был в 1922–1941 гг. (хотя немецкое население здесь изначально было незначительным и лишь по переписи 1939 г. составляло 21,2%¹³). Переименование 1931 г. подкрепляло немецкую топонимию региона (ср. Екатериненштадт до 1915 г., с 1920 г. Марксштадт, современный Маркс). В 1980-е — начале 1990-х существовал ряд проектов по восстановлению немецкой автономии на Волге (включавших либо не включавших г. Энгельс); впрочем, попытки их реализации встретили противодействие населения и местных элит, в резуль-

¹² Благодарю за указание на этот источник О. А. Проскурина.

¹³ См. данные Всесоюзной переписи населения 1939 г. на сайте «Демоскоп Weekly» (http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39_ra.php?reg=2343).

тате власть ограничилась выделением немцам в 1992 г. земли в Марксовском районе [Скучаева 2007; Хасин 2016; 2017].

Депортация немцев Поволжья, за которой последовала ликвидация автономии, — неудобный и травматичный эпизод местной истории. Полемика о возвращении *Покровска* провоцирует сочувствие немцам:

Видите ли, он [автор письма в газету] живет в полурусском, полунемецком городе. А чем немцы хуже русских? Когда выселяли от нас немцев в 41 году, сколько страданий они пережили [Мещерякова 1992].

Журналисты считают нужным поинтересоваться мнением о возвращении *Покровска* председателя областного общества российских немцев «Возрождение», отмечая, что «Ф. Энгельс был все-таки немцем, а “немецкий вопрос” все еще будоражит некоторых граждан, боящихся стать “рабами”» (Пкр, 15.10.1993).

Имя города может позиционироваться как «памятник» соответствующей странице истории. По словам одного из журналистов, название приходится объяснять приезжим следующим образом: «мол, не просто мы город, а бывшая столица немецкой республики, бывший стольный град» [Сафонов 1996]. Мои информанты также говорили о названии Энгельс как аккумулирующем память о немцах, будь то в контексте исторической правды или утилитарности (т. е. в плане туристического потенциала города):

Более благозвучно — «покровчане» [...] Но «Энгельс» терять — столица Немецкой Республики — тоже не хочется. Понимаете, нас знают в Германии, мы побратимы с городом [...] Вупперталем, где родился Энгельс. То есть, понимаете, история — она ведь не терпит провалов [Инф. 1].

...Все единогласно решили, что он останется Энгельсом, — видимо, это какая-то память еще и о немцах Поволжья. [...] И в Энгельсе эта тема ротируется, то есть Республика Немцев Поволжья: составляются туристические маршруты, и переименоваться в Покровскую слободу [sic!] для этих маршрутов — это смерти подобно [...] Энгельс известен как Энгельс, и Энгельс — это столица немцев Поволжья [Инф. 5].

Имя как «памятник» удобно тем, что оно уже существует, не требуя новых актов поувековечению памяти о трагедии поволжских немцев ввиду конфликтогенности этих актов (ср. негативную реакцию части локального сообщества на установление в 2011 г. памятника репрессированным немцам [Лиценбергер 2017]).

Националистические суждения провоцируют и «интернационалистическую» реакцию. Журналист «Новой газеты» призывает не пугаться «германализированного звучания», свидетельствующего о «культурном и национальном многообразии» города, и перечисляет живших здесь знаменитых представителей различных этносов: немца В. Я. Вебера, еврея Л. А. Кассиля, «полу-

кровку» А. Г. Шнитке, русского А. А. Мыльникова, украинца А. И. Кравченко [Сафонов 1996], высказывается за то, чтобы «воспринимать себя такими, какие мы есть: русским городом с украинской кровью и немецким именем» [Сафонов 2001].

Таким же «неудобным» знанием, как и депортация немцев, оказывается то, что Ф. Энгельс был основоположником идеологии, для позднесоветского и постсоветского периодов непопулярной, если не одиозной. И городской нарратив предлагает предать Энгельса забвению. С одной стороны, мы имеем дело со свойственными для постсоветской эпохи удалением, маргинализацией и реинтерпретацией элементов «единого идеологического нарратива коммунизма», внедрившегося в публичном городском пространстве и нивелировавшего локальную специфику [Чепайтене 2017: 60–61]. С другой стороны, забвение служит восстановлению равновесия, «когда в новой политической ситуации необходимо преодолеть раскол и примирить недавних противников» [Ассман 2014: 113] (в цитируемой работе А. Ассман приводит в качестве примера ситуации после гражданских войн или предвыборных кампаний; в рассматриваемом мною случае речь идет о конфликте идеологий, и Ф. Энгельс выступает не как субъект конфликта, а как символ побежденной идеологии).

Прежде всего декларируется, что жители города не помнят, кто такой Ф. Энгельс. Это может служить аргументом как в пользу возвращения исторического имени, так и против него.

В первом случае посыл можно сформулировать следующим образом: «Если мы забыли, чем знаменит Ф. Энгельс, значит, названный в его честь город следует переименовать». Журналист и писатель А. В. Бурмистров отмечает, что в музее отсутствует посвященная Энгельсу экспозиция, в школах о нем не рассказывают, из учреждений исчезают его изображения: «Стыдимся, что ли, этого имени? Тогда надо от него избавляться» [Бурмистров 2003]. В рамках материала, озаглавленного «75 лет под чужим именем» и содержащего аргументы в пользу возвращения *Покровска*, приводятся результаты опроса сотни горожан от школьников до пенсионеров: 30 человек ответило, что не имеет понятия о том, кто такой Энгельс, некоторые говорили о нем как об авторе «Капитала», «гениальном революционере» и даже «основателе города» [Шмаков и др. 2006].

Во втором случае можно говорить о посыле «Именно потому, что мы не помним, чем знаменит Ф. Энгельс, название города в его честь не является проблематичным и может быть сохранено». Автор, отмечающий, что именно под современным названием город обрел истинную славу, утверждает, что оно «переросло свою ассоциативную зависимость от имени немецкого философа и получило свое самостоятельное звучание» [Сафонов 1996]; другой в числе аргументов против переименования приводит то, что «название Энгельс уже мало кто связывает с именем одного из основоположников марксизма» [Алексеев 2013]; третий пишет, что «марксизм сегодня в названии города и не пахнет. Кстати, как и в соседнем с нами городе Марксе, где также уже все (или почти все) давно забыли, в честь кого назван город» [Равелин 2013].

В связи с последним отмечу, что наличие в Саратовской области близко расположенных городов, названных в честь Маркса и Энгельса, может осмысливаться уже лишь как любопытный казус, презентирующий территорию и интригующий «чужих»:

[Житель Энгельса позвонил на московскую радиостанцию.] «Подождите, подождите, — прервали ведущие передачи, — из какого города, из Энгельса? Вы еще скажите, что у вас там и Маркс есть!» «Есть, — ответил наш земляк, — в 50 километрах от Энгельса». «Ха-ха-ха, — откомментировали ведущие, — хорошая шутка!»

А это и не шутка. Это наша топонимическая реальность... [Сафонов 2001].

А всё-таки название «Энгельс» придает уникальность. (...) Очень интересно, что есть город Энгельс, город Маркс (мне как приезжей) (...) Потому что, вы представляете, Маркс останется, а Энгельса не будет — это же странно (...) Я когда в Маркс поехала — у меня был такой ажиотаж. Я такая думаю: «Господи, я сейчас гештальт закрою: побывала и в Марксе тоже» [Инф. 5].

Сохраняя ойконимом память о Ф. Энгельсе вытесняется: либо она подменяется ассоциациями с достижениями эпохи, либо ее идеологическая составляющая выхолащивается, делая имя города удобной формой для реинтерпретации.

«Синтез»: Энгельс = ангел(ы)

Незадолго до референдума 1996 г. в «Нашем слове» было опубликовано письмо читателя, который предлагал:

Если кому-то не по душе слово «Энгельс», то в этом случае пусть они не ассоциируют его с Фридрихом Энгельсом. Пусть представлят, что Энгельс — это аббревиатура. И пусть расшифровывают ее так, как угодно.

Вот тому пример:

Э — это
Н — наш
Г — город
Е — единства
Л — любви
Ь — и
С — согласия.
[Климов 1996]

В этом обращении к игровой дезаббревиации (которая вообще может использоваться для «расшифровки» ойконимов [Архипова 2015: 51–52]) интересно, в частности, употребление слова *согласие*: помимо устойчивого словосочетания *любовь и согласие*, соседство с *единством* отсылает к дискурсу об общественном единстве и согласии в условиях социально-политической конфронтации 1990-х. Так, в 1993–1999 гг. существовала «Партия российского единства и согласия», а в 1996 г. годовщина революции получила название «День согласия и примирения» — «в целях смягчения противостояния и примирения различных слоев российского общества» (указ Президента РФ

№ 1537 от 7 ноября 1996 г.). Иными словами, дезаббревиация Энгельса подразумевает «согласие» между сторонниками названий, несущих на себе отпечаток разных идеологий. Моя собеседница приводила соответствующую формулу (уже в качестве слогана) как иллюстрацию сосуществования *Покровска* и *Энгельса*:

Вот это двойное фактически название — оно закрепилось «...» какое-то внутреннее согласие произошло. «...» «Это наш город любви и согласия» — родился даже такой слоган [Инф. 12].

Разумеется, здесь нельзя говорить о десемантизации в собственном смысле. Однако в силу дискредитации идей коммунизма имя города лишается идеологических коннотаций, становясь пустым знаком, в который можно вписывать более привлекательные смыслы. И Энгельс переосмысливается через слово *ангелы* — фонетически схожее, являющееся буквальным переводом нем. *Engels* и имеющее, как и *Покровск*, религиозные коннотации. Впервые такая трактовка была предложена в 1996 г. во врезе к статье «Город ангелов под покровом Богородицы»:

...Нам будет особенно трудно сделать свой выбор на референдуме. Потому что Покровск — это напоминание о большом христианском празднике, заступничестве Девы Марии за нас, грешных. А Энгельс — в переводе с немецкого — ангелы, город ангелов — не правда ли, неплохой аванс нашему будущему... [Сафонов 1996].

В 1997 г. в альманахе «Литературный Покровск» публикуется поэма Алексея Баландина «Покровская молитва», посвященная «250летию [sic!] Энгельса (Покровска)» и представляющая собой список фантасмагорических определений города, называемого *Лос-Энгельс*¹⁴: «Лос-Энгельс — мечта слепорожденного о крыльях...» и т. д. Последняя часть поэмы предваряется вставкой:

Лос-Анджеles (исп.) — Лос-Эйнджел (англ.) — Лос-Энгельс (рус.)
Ангельское, нечеловеческое... Фридрих Энгельс, то есть с немецкого Фридрих Ангел... Покровск — божественное предпочтение, выделенность (легендарное событие в Константинополе, когда Пресвятая Богородица осенила своим покровом молящихся о спасении)...
Лос-Энгельс — четвертый Рим. Пародия, доведенная до метапредела [Баландин 1997: 106–107].

Автор предисловия, предпосланного поэме, признается, что «и сам раньше замечал эту странную аналогию. Энгельс — Эйнджел — Ангелы» [Там же: 102].

В 2003 г. Энгельсский краеведческий музей реализует исследовательский проект «Молодежные хроники города ангелов». Авторы буклета, под-

¹⁴ См. об этом неофициальном ойкониме, образованном по аналогии с американским *Лос-Анджеlesом*: [Ахметова 2015: 430].

готовленного в рамках проекта, отмечают два образа, соотносимые с разными периодами и «символическими контекстами и пространствами», — патриархальный Покровск и «столично-урбанистический» Энгельс. «Город ангелов» оказывается срединным концептом:

Покровская слобода, Покровск — имя города, полученное от символического акта воздвижения первого храма — Покрова Пресвятой Богородицы. Праздник Покрова отмечает время, когда снег ложится на землю, поэтому в этом месте, в этом городе земное всегда сопряжено с небесным. Особенность города — сопряжение символов вертикали и горизонтали. (...) Как воплощение вертикали — второе название города странным образом трансформировалось в мифологическом сознании горожан в город Ангелов [Винтер, Тюканов 2003].

В 2012 г. скульптор А. А. Садовский разработал проект указателя города, одним из элементов которого были фигуры ангелов [Левина 2012]. «Город ангелов» становится расхожей формулой, которая используется в литературных и публицистических текстах (энгельсских и саратовских) — непременно с пояснением (маркирующим, вероятно, ее неширокую известность¹⁵):

На рубеже веков в обиход с подачи саратовцев и гостей из других городов России, ближнего и дальнего зарубежья стали входить названия Лос-Энгельс (по аналогии с Лос-Анджелесом [sic!]) или просто Город ангелов, что очень многим понравилось, тем более, что это последнее название перекликается со старым названием — Покровская слобода, Покровск в честь Покрова Пресвятой Богородицы [Равелин 2013].

Что общего между Лос-Анджелесом и Энгельсом? Все просто — в названиях обоих городов (если абстрагироваться от Фридриха Энгельса, в честь которого, откровенно говоря, и был назван город) присутствуют ангельские корни. В прошлом Энгельс назывался Покровск. И это название также заключало в себе божественный знак — город, находящийся под покровом или покровительством Богородицы [Саратовская 2008].

Наделение существующего ойконима значением, которое отсылает к тем же семантическим полям «православие», «святость», что и у ойконима исторического¹⁶, нивелирует противоречие между «религиозным» Покровским и

¹⁵ По моим данным, «ангельское» переосмысление Энгельса известно больше журналистам и сотрудникам краеведческого музея, чем рядовым горожанам. Впрочем, я располагаю свидетельством, что надпись «Город ангелов» некоторое время украшала стену, облюбованную граффитистами [Инф. 7].

¹⁶ В свою очередь, сторонники Покровска переосмысяляют уже и «ангельскую» трактовку. Так, публикация, подписанная Инициативной группой по возвращению городу его исторического названия, описывающая Энгельса как богоборца и лицемера и заканчивающаяся риторическим вопросом: «Приятно ли вам жить в городе Фридриха Энгельса?», озаглавлена «Ангел опустошения» [Ангел 2001], — если Ф. Энгельс и «ангел», то, конечно, темный.

«коммунистическим» Энгельсом и как бы обосновывает их соседство в рамках «гибридной» номинации. Некоторые авторы даже говорят о таком словоупотреблении как о результате осознанной политики. Один называет использование с 1990-х годов «двойного названия города Покровск-Энгельс (или Энгельс-Покровск)» «замечательным компромиссом» и «мудрым решением» [Равелин 2013], а другой идет еще дальше и заявляет о снятии противоречий между названиями города и их дериватами:

Название «Энгельс» всё дальше отходит от Фридриха Энгельса и всё больше превращается почти в прямой перевод фамилии — Ангел (Engel). Теперь наш город — не город имени Ф. Энгельса, а «город ангелов» *«...»* А еще удивительным образом уравновесился, гармонизировался «Покров Богородицы» с Энгельсом (Ангелом), что лишило противоречий двойное название «Покровск-Энгельс» и выражение типа «покровчанин из Энгельса» [Бурмистров 2011].

* * *

Как представляется, рассмотренные нарративы и практики (акциональные и вербальные) компенсируют отказ от возвращения исторического названия. Во-первых, утверждение о том, что покров Богородицы не был утрачен, а прежнее название само по себе обеспечивает защиту свыше, снимает необходимость реноминации. Во-вторых, декларируемое забвение Ф. Энгельса и игровые реинтерпретации ойконима позволяют преодолеть противоречие между его идеологическими коннотациями и их моральной устарелостью: «коммунистическое» имя перестает быть неудобным. Наконец, отражение старого названия в локальной ономастике превращает Покровск в бренд, с одной стороны, репрезентирующий город, с другой — аккумулирующий историческую память. Рассмотренные практики отчасти находят соответствие в разного рода актуализации исторического ойконима на фоне локальной полемики о реноминации в других городах — будь то ситуативное восстановление старого названия в качестве коммеморативного знака (ср. именование с 2013 г. Волгограда Стalingрадом в дни воинской славы и памятные даты [Кириллова (в печати)]) или компенсаторное обращение к этимологическому знанию. Так, в Краснодаре (бывшем Екатеринодаре) в постсоветский период актуализируются образы императрицы Екатерины II и ее небесной покровительницы, великомученицы Екатерины: в их честь воздвигают памятники, проводят праздничные мероприятия и т. д. [Кольба 2012: 78–79]. Более широким контекстом, касающимся уже не только ономастики, является широко распространенная в современной России практика, связанная с эксплицированием знания об исчезнувших за годы советской власти названиях и объектах, от размещения табличек со старыми названиями улиц до возведения памятных крестов на месте разрушенных церквей.

И «покровский» топос, и приписывание Энгельсу в качестве «города ангелов» сакральной семантики обнаруживают созвучие как с ценностями сторонников Покровска (русскость, православие, досоветская история), так и — на более широком уровне — с высоким социальным статусом памяти о прошлом, с востребованной идеей необходимости «помнить о корнях». О том, что этой

памяти достаточно и возвращать старое название необязательно, говорили практически все мои собеседники:

Если жива память об этом Покровске, Покровской слободе — ну и пусть будет Энгельс [Инф. 5].

Нас вполне устраивает название, мы вполне осознаём себя, с одной стороны, жителями города Энгельса, с другой стороны, по истории, как Покровска, и нам этого достаточно — знания нашей истории [Инф. 1].

[Название *Покровск*] надо в любом случае сохранить, пусть нет переименования города, это слишком глобально (...) не забывать, по крайней мере, что было такое название и в честь чего был назван [Инф. 6].

Почему наше название нужно менять? Из-за того, что сменилась власть (...) надо перейти на прежнее название? Тоже какой смысл? Мне кажется, многие уже привыкли к этому. И нет тех людей теперь в живых, которые, наверное, жили в Покровске. А все принимают уже как Энгельс, при этом — зная свою историю. Это самое главное [Инф. 2].

Таким образом, онимический конфликт в символическом пространстве г. Энгельса окончился вничью.

Информанты

Инф. 1. Ерина Елизавета Моисеевна, 1934 г. р., в Энгельсе живет с 1966 г., до 2007 г. директор Государственного исторического архива немцев Поволжья.

Инф. 2. Е., жен., 1983 г. р., живет в Энгельсе, сотрудница музея (Саратов).

Инф. 3. Л., жен., ок. 1965 г. р., род. в Саратове, в Энгельсе живет около шести лет, преподаватель вуза.

Инф. 4. Л., жен., ок. 1988 г. р., в Энгельсе живет с 1996 г.

Инф. 5. М., жен., ок. 1980 г. р., в Энгельсе живет несколько лет, сотрудница картинной галереи.

Инф. 6. М., муж., ок. 1981 г. р., сотрудник музея.

Инф. 7. Н., жен., 1977 г. р., живет в Энгельсе, сотрудница музея (Саратов).

Инф. 8. О., жен., ок. 1970 г. р., библиотекарь.

Инф. 9. П., жен., 1974 г. р., сотрудница музея.

Инф. 10. Р., муж., 1962 г. р., в Энгельсе живет с 1973 г., журналист.

Инф. 11. С., жен., ок. 1950 г. р., библиотекарь.

Инф. 12. Спиридонова Светлана Ивановна, ок. 1947 г. р., род. в Саратове, в Энгельсе живет с 1985 г., в 1994–2000 гг. директор краеведческого музея.

Источники

- Алексеев 2013 — Алексеев Ю. Энгельс — это не Покровск // КП. 2013. 13 марта.
- Ангел 2001 — Ангел опустошения // НГ. 2001. 28 нояб.
- Баландин 1997 — Баландин А. Покровская молитва // Литературный Покровск. 1997. № 1. С. 102–107.
- Бирюкова 2009 — Бирюкова М. Верните городу Покров // Православная вера: [газ.; Саратов]. 2009. № 3 (383). Цит. по: Православие и современность: Инф.-аналит. портал Саратовской и Вольской епархии. URL: https://eparhia-saratov.ru/Articles/article_old_6114.
- Бирюкова 2016 — Бирюкова М. Вернем себе прошлое — ради будущего: беседа с Епископом Покровским и Николаевским Пахомием // Православие и современность: [ж-л; Саратов]. № 39 (55). 2016. С. 10–16.
- Бурмистров 2003 — Бурмистров А. Auf Wiedersehen, Энгельс! // НГ. 2003. 2 июля.
- Бурмистров 2011 — Исполнилось 80 лет со дня переименования Покровска в город Энгельс // vEngelse.ru. 2011. 20 окт. URL: <http://vengelse.ru/novosti/2939-ispolnilos-80-lets-so-dnya-pereimenovaniya-pokrovska-v-gorod-yengels.html>.
- Бурмистров, Ляхов 1993 — Бурмистров А., Ляхов В. Мы говорим Энгельс, подразумеваем... // Пкр. 1993. 15 окт.
- Винтер, Тюканов 2003 — Молодежные хроники города ангелов: [Буклет] / Фотографии: В. Винтер, Г. Тюканов. Энгельс: [б. и.], 2003.
- Грибов 1992 — Грибов С. Городу — истинное имя // НС. 1992. 1 апр.
- Ерина 2003–2019 — Ерина Е. М. Под покровом Богородицы: Из истории слободы Покровской — Покровска — Энгельса в документах и фактах: Очерки-исследования. Кн. 1–6. Саратов: Приволжск. кн. изд-во; Изд. дом. «Волга», 2003–2019.
- Ершов 2015 — Ершов Б. Всем миром мы вернули Тверь: Субъективный взгляд на неформальное движение в Твери в 1988–1990 годах. Тверь: ООО «Центр — Тверия», 2015.
- Как 1996 — Как нас теперь называть? // Пкр. 1996. 19 дек.
- Кирюхина и др. 1974 — [Кирюхина Е. И., Зимина М. И., Быстрова А. С.] История города Кирова, 1374–1974. Киров: Волго-Вят. кн. изд-во; Киров. отд-ние, 1974.
- Климов 1996 — Климов А. Этот вопрос не надо и ставить // НС. 1996. 21 сент.
- Кобылинский, Удалов 2012 — Пою тебя, мой город (Слобода Покровская — Покровск — Энгельс в творчестве горожан) / Сост. А. И. Кобылинский, В. И. Удалов. Энгельс: [б. и.], 2012.
- Коваленко 1996 — Коваленко А. До сих пор не могу смириться // НС. 1996. 1 окт.
- Королева 1996 — Королева Л. Вернуть исконное название — Покровск // НС. 1996. 1 окт.
- Левина 2012 — Левина В. Город ангелов? Почему бы нет! // НГ. 2012. 4 апр.
- Новиков 1996 — Новиков Н. Согласно Ф. Энгельсу, русские подлежат уничтожению // НГ. 1996. 6 дек.
- Погорелов 1996 — Погорелов В. С кличкой по жизни // НГ. 1996. 6 дек.
- Равелин 2013 — Равелин А. Энгельс: город ангелов на Волге // КП. 2013. 31 июля.
- Саратовская 2008 — Саратовская область. Город Ангелов на волжском берегу // СарБК — инф. портал Саратова. 2008. 29 авг. URL: <https://www.sarbc.ru/company/8436382>.
- Сафонов 1996 — Сафонов О. Город ангелов под покровом Богородицы // НГ. 1996. 29 нояб.
- Сафонов 2001 — Сафонов О. Энгельс или Покровск? // НГ. 2001. 31 окт.
- Сиднина 1991 — Сиднина В. Стоит ли пенять на Энгельса? // НС. 1991. 17 окт.
- Ульянов 1990 — Ульянов Н. Замолчанный Маркс / Публ. и вступ. В. Кошелева, А. Чернова // Москва. 1990. № 10. С. 138–150.

Федоров 1991 — *Федоров Н.* Как я не выступил на митинге // НС. 1991. 18 сент.
Чернявская 1991 — *Чернявская Н.* Энгельс или Покровск? // НС. 1991. 4 окт.
Энгельс 1991 — Энгельс или Покровск? // НС. 1991. 18 окт.
Шмаков и др. 2006 — *Шмаков О., Головахина Т., Антонова А.* Кто такой Энгельс // Пкр. 2006. 13 окт.

Сокращения названий газет г. Энгельса

КП — «Курьер Поволжье».
НГ — «Новая газета».
НС — «Наше слово».
Пкр — «Покровск».

Литература

- Абрамов, Терентьев 2014 — *Абрамов Р., Терентьев Е.* Символическое пространство культуры памяти: два топонимических кейса // Интеракция. Интервью. Интерпретация. Т. 1. № 8. 2014. С. 73–86.
- Архипова 2015 — *Архипова А. С.* Радио ОБС, птица Обломинго и другие языковые игры в современном фольклоре. М.: ФОРУМ, 2015.
- Ахметова 2015 — *Ахметова М. В.* От А-Аты до Ярска: Словарь неофициальных названий населенных пунктов. М.: ФОРУМ, 2015.
- Ассман 2004 — *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.: Языки славян. культуры, 2004.
- Ассман 2014 — *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. М.: Нов. лит. обозрение, 2014.
- Бочкарев 2018 — *Бочкарев А.* Переименования городов на постсоветском пространстве // Polit.ru. 2018. 4 нояб. URL: https://polit.ru/article/2018/11/04/ps_renaming.
- Верч 2018 — *Верч Дж.* Нарративные инструменты, истина и быстрое мышление в национальной памяти: мнемоническое противостояние между Россией и Западом по поводу Украины / Пер. с англ. // Историческая экспертиза. 2018. № 2 (15). С. 15–32.
- Кириллова (в печати) — *Кириллова С. Е.* Сталинград и сталинградцы: способы и средства сохранения исторической памяти в языке региона (в печати).
- Кольба 2012 — *Кольба А. И.* Управление конфликтами в системе отношений органов власти и гражданского общества на региональном уровне // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. Т. 12. № 1. 2012. С. 75–81.
- Лиценбергер 2017 — *Лиценбергер О. А.* Депортация российских немцев в зеркале общественного мнения и восприятия властью (на примере Саратовской области) // Немцы России в общественно-политической жизни страны (XVIII–XXI вв.): Материалы 16-й Междунар. науч. конф. Москва, 27–31 октября 2016 г. / [Под ред. А. А. Германа]. М.: РусДойч Медиа, 2017. С. 370–379.
- Плеханов 2018 — *Плеханов А. А.* Разрушение пространства советского символического господства в постсоветской Украине // Политическая наука. 2018. № 3. С. 231–263.
- Разумов 2018 — *Разумов Р. В.* Онимические конфликты в российском урбанонимическом пространстве // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 4. С. 112–119.
- Савоскул 2016 — *Савоскул М. С.* Старое новое название города: Романов-Борисоглебск или Тутаев? // Брендирование территорий: между маркетингом и фольклором: Материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 2–3 декабря 2016 г.) / Сост.

- М. В. Ахметова, М. И. Байдуж, Н. В. Петров. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2016. С. 71–74.
- Скучаева 2007 — Скучаева О. Е. Нереализованные государственные планы восстановления немецкой автономии в Поволжье в 1980-е годы // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2007. № 3. С. 179–182.
- Терентьев 2015 — Терентьев Е. А. Переименование советских топонимов в Санкт-Петербурге: анализ публичных дискуссий // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 18. № 2. 2015. С. 72–86.
- Хасин 2016 — Хасин В. В. Власть, собственность и национальная идея. Номенклатурный ответ возрождению немецкой автономии в Поволжье. Теоретический аспект // Образование, жизнь и судьба немецких поселений в России: Материалы 15-й Междунар. науч.-практ. конф. Маркс, 5–9 августа 2015 г. / [Под ред. А. А. Германа]. М.: РусДойч Медиа, 2016. С. 321–336.
- Хасин 2017 — Хасин В. В. Власть, собственность и национальная идея. Номенклатурный ответ возрождению немецкой автономии в Поволжье. Практические формы реализации // Немцы России в общественно-политической жизни страны (XVIII–XXI вв.): Материалы 16-й Междунар. науч. конф. Москва, 27–31 октября 2016 г. / [Под ред. А. А. Германа]. М.: РусДойч Медиа, 2017. С. 336–369.
- Чепайтене 2017 — Чепайтене Р. Город как текст // Лабиринт: Журнал социально-гуманитарных исследований. 2017. № 2. С. 57–72.
- David 2011 — David J. Commemorative place names — Their specificity and problems // Names. Vol. 59. No. 4. 2011. P. 214–228.

References

- Abramov, R., & Terentyev, E. (2014). Simvolicheskoe prostranstvo kul'tury pamiati: dva toponimicheskikh keisa [Symbolic space of the memory culture: Two toponymic cases]. *Interaktsiya. Interv'iu. Interpretatsiya*, 1(8), 73–86. (In Russian).
- Akhmetova, M. V. (2015). *Ot A-Aty do Iarska: Slovar' 'neofitsial'nykh nazvanii naseleennykh punktov* [From ‘A-Ata’ to ‘Yarsk’: A dictionary of unofficial names of settlements]. FORUM. (In Russian).
- Arkhipova, A. S. (2015). *Radio OBS, ptitsa Oblomingo i drugie iazykovye igry v sovremennom fol'klore* [‘Radio OBS’, ‘bird Oblomingo’, and other wordplays in contemporary folklore]. FORUM. (In Russian).
- Assman, A. (2014). *Dlinnaia ten' proshlogo: Memorial'naia kul'tura i istoricheskaiia politika* [Trans. from Assmann, A. (2006). *Der lange Schatten der Vergangenheit: Erinnerungskultur und Geschichtspolitik*. C. H. Beck]. Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Assman, Ia. (2004). *Kul'turnaia pamiat': Pis'mo, pamiat' o proshlom i politicheskaiia identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Trans. from Assmann, J. (1992). *Das kulturelle Gedächtnis: Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen*. C. H. Beck]. Iazyki slavianskoi kul'tury. (In Russian).
- Bochkarev, A. (2018, November 4). Pereimenovaniia gorodov na postsovetskem prostranstve [Renaming of cities and towns in Post-Soviet space]. Polit.ru. https://polit.ru/article/2018/11/04/ps_renaming. (In Russian).
- Chepaitene [=Čepaitienė], R. (2017). Gorod kak tekst [The city as a text]. *Labirint: Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovanii*, 2017(2), 57–72. (In Russian).
- David, J. (2011). Commemorative place names — Their specificity and problems. *Names*, 59(4), 214–228.
- Khasin, V. V. (2016). *Vlast', sobstvennost' i natsional'naia ideia. Nomenklaturnyi otvet vozrozhdeniiu nemetskoi avtonomii v Povolzh'e*. Teoreticheskii aspekt [Power, property, and

- the national idea. The *nomenklatura's* answer to the revival of the German autonomy in the Volga Region. The theoretical aspect]. In A. A. German (Ed.). *Obrazovanie, zhizn'i sud'ba nemetskikh poselenii v Rossii: Materialy 15-i Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Marks, 5–9 avgusta 2015 g.* (pp. 321–336). RusDoich Media. (In Russian).
- Khasin, V. V. (2017). *Vlast', sobstvennost' i natsional'naia ideia. Nomenklaturnyi otvet vozrozhdeniiu nemetskoi avtonomii v Povolzh'e. Prakticheskie formy realizatsii [Power, property, and the national idea. The *nomenklatura's* answer to the revival of the German autonomy in the Volga Region. The practical forms of realization].* In A. A. German (Ed.). *Nemtsy Rossii v obshchestvenno-politicheskoi zhizni strany (XVIII–XXI vv.): Materialy 16-i Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Moskva, 27–31 oktiabria 2016 g.* (pp. 336–369). RusDoich Media. (In Russian).
- Kirillova, S. E. (forthcoming). Stalingrad i stalingradtsy: sposoby i sredstva sokhraneniia istoricheskoi pamyati v iazyke regiona ['Stalingrad' and 'Stalingraders']: Methods and means of preserving historical memory in the regional language]. (In Russian).
- Kolba, A. I. (2012). Upravlenie konfliktami v sisteme otnoshenii organov vlasti i grazhdanskogo obshchestva na regional'nom urovne [Conflict management in the relations of government and civil society at the regional level]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta, Ser. Sotsiologiya. Politologiya, 12(1), 75–81.* (In Russian).
- Litsenberger, O. A. (2017). Deportatsiia rossiiskikh nemtsev v zerkale obshchestvennogo mneniiia i vospriiatiia vlast'iu (na primere Saratovskoi oblasti) [Deportation of Russian Germans in the mirror of public opinion and authorities' perception (on the example of the Saratov Region)]. In A. A. German (Ed.). *Nemtsy Rossii v obshchestvenno-politicheskoi zhizni strany (XVIII–XXI vv.): Materialy 16-i Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Moskva, 27–31 oktiabria 2016 g.* (pp. 370–379). RusDoich Media. (In Russian).
- Plekhanov, A. A. (2018). Razrushenie prostranstva sovetskogo simvolicheskogo gospodstva v postsovetskoi Ukraine [Decommunization process in post-Soviet Ukraine]. *Politicheskaiia nauka, 3, 231–263.* (In Russian).
- Razumov, R. V. (2018). Onimicheskie konflikty v rossiiskom urbanonimicheskem prostranstve [Onymic conflicts in the Russian urbanonymic space]. *Verkhnevолжskii filologicheskii vestnik, 2018(4), 112–119.* (In Russian).
- Savoskul, M. S. (2016). Staroe novoe nazvanie goroda: Romanov-Borisoglebsk ili Tutaev? [An old new name of a town: Romanov-Borisoglebsk or Tutaev?]. In M. V. Akhmetova, M. I. Baiduzh, & N. V. Petrov (Eds.). *Brendirovanie territorii: mezhdu marketingom i fol'klorom: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Moskva, 2–3 dekabria 2016 g.)* (pp. 71–74). Izdatel'skii dom "Delo" RANKhiGS. (In Russian).
- Skuchaeva, O. E. (2007). Nerealizovannye gosudarstvennye plany vosstanovleniiia nemetskoi avtonomii v Povolzh'e v 1980-e gody [Unrealized governmental plans of rebuilding German autonomy in the Volga Region in the 1980s]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta, 2007(3), 179–182.* (In Russian).
- Terentyev, E. A. (2015). Pereimenovanie sovetskikh toponimov v Sankt-Peterburge: analiz publichnykh diskussii [Renaming of Soviet toponyms in St. Petersburg: An analysis of public discussions]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii, 18(2), 72–86.* (In Russian).
- Verch, Dzh. (2018). Narrativnye instrumenty, istina i bystroie myshlenie v natsional'noi pamyati: mnemonicheskoe protivostoianie mezhdru Rossiei i Zapadom po povodu Ukrayiny [Trans. from Wertsch, J. V. (2017). Narrative tools, truth, and fast thinking in national memory: A mnemonic standoff between Russia and the West over Ukraine. In Å. Mäkitalo, P. Linell, & R. Säljö (Eds.). *Memory practices and learning: Interactional, institutional and sociocultural perspectives* (pp. 233–248). Information Age Publishing]. *Istoricheskaiia ekspertiza, 2018(2(15)), 15–32.* (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Мария Вячеславовна Ахметова
кандидат филологических наук
старший научный сотрудник,
Лаборатория теоретической
фольклористики, Школа актуальных
гуманитарных исследований, Российская
академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ
Россия, 119571, Москва, пр-т
Вернадского, д. 82
Тел.: +7 (499) 956-96-47
✉ malinxi@rambler.ru

Information about the author

Maria V. Akhmetova
Cand. Sci. (Philology)
Senior Researcher,
Center for Theoretical Folklore Studies,
School for Advanced Studies in the
Humanities,
The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public
Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospekt
Vernadskogo, 82
Tel.: +7 (499) 956-96-47
✉ malinxi@rambler.ru